Империя Спивакова

Фестиваль одного музыканта

На фестивале «Владимир Спиваков приглашает...» (он завершился вчера) стало ясно, что такое империя Спивакова, — это он сам, многоликий музыкант в серии разножанровых концертов.

Известия. — 2001. — 6 окт. — с. 8

Михаил ЖИРМУНСКИЙ

Распространенный в мире, но непривычный для Москвы персональный фестиваль музыканта заведомо не мог стать просто серией концертов одного человека. Но различные амплуа Владимира Спивакова помогли ему быть разным все прошедшие десять дней. Он — скрипач, дирижер симфонического и камерного оркестров, изобретатель элитарных и широко доступных программ, деятель с мировым авторитетом, к которому в Москву приезжает даже Джесси Норман, а еще и педагог, если считать его сольный концерт первым уроком камерного ансамбля молодому пианисту Александру Гиндину. Все, что сделал на фестивале Спиваков, так или иначе попадает в эпицентр сегодняшних запросов.

Обедневшая музыкальная жизнь столицы с его приездом оживляется, выступления и Российского национального оркестра, и «Виртуозов Москвы» снимают усталость от других — зачастую некачественных — коллективов. Сам Спиваков не зря занялся еще и симфоническим дирижированием: как музыкант он сегодня снова нов и опять стал ближе публике. Не секрет, что с «Виртуозами Москвы» он давно перестал потрясать слушателей, а лишь услаждал, превратив свои концерты в высококлассное музыкальное обслуживание сытых. Ищущая откровений публика его не принимала. Встав за пульт РНО, Спиваков, похоже, снова борется за значимость своего слова.

Теперь основа его репертуара — XX век с его катаклизмами (на фестивале сыграны Шенберг и Шостакович, а в течение года также были Малер, Барток, Стравинский, Рахманинов). Сглаженность и антиконфликтность трактовок Спивакова будто бы те же, что всегда. Только теперь такие трактовки целеустремленно навязываются современным партитурам, а их сопротивление убедительно преодолевается силой музыкального интеллекта. В этом противоречии Спиваков отчетливо видится личностью сложной, какой, наверное, всегда и был. Его музицирование тоже вдруг стало сложным. Дирижер по-прежнему не беспокоит слушателя попыткой парализовать его волю, он созерцает — без пролития душевной крови. Но тем усиленнее залу приходится концентрироваться на подробностях развития музыкального сюжета.

Эмоционально Спиваков тоже стал отвечать нашему времени, которое отказывается от пророков и вождей. Теперь его стихия — завороженная грусть с оттенком скорби. Шостаковича, исполнявшегося на открытии фестиваля, Спиваков лишил всякой политики: не было трагического разлома эпохи 30-х (начало 5-й симфонии), ни заостренного гротеска по поводу «дела врачей» (жизнерадостная песня про врачей из «еврейского» цикла), ни фривольного веселья (джазовая Сюита). В другой день в «Просветленной ночи» Шенберга с «Виртуозами» не было никакой романтики. Музыка звучала с ровной элегичностью, концентрируясь вокруг тех эпизодов, где замирает время. Удивительно: такие остановки Спиваков превращает в мощные кульминации — таковы у него третья часть 5-й симфонии Шостаковича, песня «Зима», слегка печальные вальсы из Сюиты. Возникает ощущение, что «поле битвы» для Спивакова не внешний мир, а его собственная душа.

Когда Спиваков берет в руки скрипку, слушатель расслабляется, млея от прекрасного творения природы — объемного густого звука и совершенного мелодического рисунка. Напряженная сдержанность уступает место блеску и открытому романтизму, выспренней экспрессии, столь уместной в Сонате Франка. Три разнохарактерных «биса» после этой сонаты стали мастерским жонглированием милыми мелочами. При этом контрасты и в звуке, и в динамике казались слегка подавленными, прославленный (несмотря на молодость) и импульсивный пианист Александр Гиндин в ансамбле со столь крупным музыкантом был неестественно зажат.

В тот вечер в Спивакове проступала поза мэтра. Через день дуэт с Юрием Башметом стал воспоминанием о юности. Размолвки Спивакова с Башметом надолго лишили публику их знаменитого созвучия в Концертной симфонии Моцарта для скрипки и альта. Их новая встреча (самый аншлаговый концерт фестиваля, зрители сидели даже на сцене) стала внутренне значимым событием для обоих. Совершенно разные личности — сладкозвучный, благодушный Спиваков и интенсивно переживающий Башмет — вместе создали новую художественную данность. В медленной части потряс диалог их инструментов, словно доверительно перешептывавшихся друг с другом. Былые расхождения сметала музыка — музыканты в атмосфере высшей сосредоточенности конкурировали лишь за то, чей божественный смычок сильнее поразит сердце слушателя.

Монотонность течения концертов Спиваков сумел нарушить еще двумя придумками. Операдуэт «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова неожиданно для публики оказалась сценически разыграна. На концертной сцене нашлось место для стола с двумя креслами, певцы вышли в камзолах. Вместо непростой оперы благодаря Сергею Лейферкусу (Сальери) получился спектакль с выдающимся вокалом, подчеркнувший значимость пушкинского слова. Из оратории Генделя «Мессия» Спиваков сделал музыкально-литературную композицию, в которой центральная роль отводилась Олегу Табакову, в очередь с музыкой читавшему новеллу Стефана Цвейга о Генделе. Здесь смешение жанров, наоборот, ущемило музыку. Ее оказалось слишком мало на фоне не совсем внятного чтения не вполне гладкого перевода. Вспомнились радиопостановки 25-летней давности.

Намеренные реверансы перед публикой — удачные и не совсем — имели наибольший успех. Для Спивакова сейчас как никогда остра проблема выбора слушательского круга. Он тяготеет к сложности произведений и их прочтения, однако высокие цены на его концерты предполагают богатого, но неподготовленного слушателя. Собрать понимающих поклонников маэстро удалось лишь на сольном концерте. Джесси Норман, по ее словам, была покорена музыкальностью нашей интеллигенции, для которой устроили бесплатную репетицию-концерт. А вот Юрию Башмету во время его выступления на фестивале пришлось обратиться с речью к набившемуся в зал «новому слушателю» — шумные потоки опоздавших, звонки телефонов, бестолковые аплодисменты там, где не аплодируют, замучили не его одного.

ИТАР—ТАСС

Владимир Спиваков, его жена Сати и Юрий Башмет: радость единения